

САГАН
Коллекция

Франсуаза
САТРАН

**НЕДВИЖНАЯ
ГРОЗА**

Роман

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
С 13

Françoise Sagan
UN ORAGE IMMOBILE
Copyright © Jean-Jacques Pauvert, Julliard, 1983 © Stock, 2010
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского Ольги Егоровой

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

Издание подготовлено
при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-17331-6

© О. И. Егорова, перевод, 2010
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

Pezzu Powe

Пусть читатель, открывший эти страницы — если только слепое авторское тщеславие или какой-нибудь фокус судьбы не заставит меня их уничтожить, — знает, что я приступаю к описанию событий лета 1832-го не для того, чтобы поведать ему, а для того, чтобы вспомнить самому. И пусть он знает также, что я желаю всем участникам событий — и палачам, и жертвам, и таким, как я, пассивным наблюдателям — только одного: забвения. Окончательного, неистового, свинцового забвения, такого же тяжкого, как то лето в благословенной провинции Аквитании, с ее обычно таким мягким климатом.

Я уже стар для любви, да и для самой жизни тоже. И если я, как многие мои ровесники, заявлю, что такое положение вещей меня удовлетворяет, мне никто не

поверит. И будут не правы. Пройдут еще годы, и то, что было моим земным телом, отнесут под кипарисы кладбища в Нерсаке. Если же найдется хоть одна добрая душа, которая оплачет мою смерть, или злой дух, который ей порадует, ни плакать, ни ликовать будет не о чем. Они будут присутствовать при кончине трупа. Я уже тридцать лет как мертв. И все тридцать лет я только и мог, что заново переживать то, что произошло в те жаркие летние дни.

В 1832 году мне сравнялось тридцать. Я являл собою прекрасную партию: был молод, простодушен, холост, наследовал одно из лучших мест нотариуса в провинции и обладал недурной внешностью, если судить с точки зрения здоровья, а не элегантности. Выглядел я примерно так: волосы низко спускались на довольно высокий лоб, глаза, как у охотничьей собаки, глядели упрямо и независимо, рот над чуть выдающимся вперед подбородком дышал здоровьем. Все это дополняли широкие плечи, сильное тело и яркий румянец. Предметом моей особой гордости были длинные, тонкие пальцы, которые женщины полагали красивыми. Женщины...

Несколько приключений в студенческие годы в Париже, долгая и глупая страсть к одной провинциальной Цирцее, нынче тоже старушке, легкие интрижки с разочарованными чужими женами и несколько благосклонных взглядов на молоденьких девушек, которые тут же решали, что я на них женюсь. По-настоящему же я любил только одну женщину. Ее звали Элиза, она была камеристкой моей матери. Однако спустя год трепетной любви Элиза от меня сбежала, несмотря на все мои мольбы. Может, поэтому скандал и не разгорелся. Она была единственной, кто хоть немного меня любил, кто отогрел меня в любви. Но очень немного. Дальше на этом поприще я либо терял голову, либо испытывал разочарование. Думаю, такова была в ту эпоху судьба всех молодых холостяков моего возраста и круга.

В 1832 году в Ангулеме, как и положено, имелся свой кружок, и возглавляла его, как и положено, супруга префекта, госпожа Артемиза д'Обек, которую за глаза называли «De Ves Haut»¹, предмет моих

¹ Здесь имеет место игра слов: и в фамилию дамы, Aubes, и в ее прозвище, Ves Haut, входит слово «ves», которое означает «клюв». «Ves Haut» — буквально: «нос кверху», то есть гордычка, задавака. (Здесь и далее примеч. перев.)

безнадежных вздыханий. Все у этой Цирцеи было чересчур: чересчур высокий и тонкий стан, чересчур белокурые волосы, чересчур резкий голос и возраст чересчур... скажем так, преклонный. Я и сейчас недоумеваю: и что соблазнительного я в ней нашел? В мое оправдание надо сказать, что в то время я был слишком молод, но и сейчас эта любовь вгоняет меня в краску. Однако остальные, похоже, не так жестоко, как я, страдали от строгих добродетелей Цирцеи. Артемиза д'Обек держала своего супруга Оноре д'Обека и всю свиту воздыхателей рукой деспотичной, но щедрой. Злые языки утверждали, что к Обокам перекочевало богатство тех, кого отец госпожи Артемизы отправил в изгнание. Так или иначе, а десять лет правления Обоков были отмечены балами, поэтическими собраниями, пикниками, изысканными ужинами и прочим. Не быть приглашенным на эти балы считалось бесчестьем, не явиться на них считалось вызовом. Госпожа иногда этим пользовалась и забывала кое-кого пригласить. И кое-кто этим тоже пользовался, забывая дату приглашения. И в том и в другом случае шум не смолкал в течение целых четырех месяцев.

Видимо, кто-то сочтет странным, что я так жестко говорю о женщине, в которую был влюблен полтора года, но она того заслуживает. Надо быть слишком молодым, чтобы другие открывали тебе глаза на женщину. Надо быть очень открытым, чтобы женщина смогла произвести в вашем сердце такие разрушения. И надо испытать огромное разочарование, чтобы потом умирать от тоски и стыда.

*Н*о я отвлекся. Итак, весна 1832 года, Ангулем. Несмотря на беспорядки, Луи-Филипп правит Францией. Богатые, как всегда, богаты, а бедные, как всегда, бедны. Буржуа, то есть единственный политический барометр страны, как всегда, довольны. Во всей Аквитании царит благоденствие... Чтобы оценить это высказывание, надо знать Аквитанию. Я ловлю себя на том, что мечтаю об идеальном читателе: веселом, легковерном, которого моя проза сразу возьмет за живое. Что тут поделаешь, смешное просто ходит за мной по пятам! Ну что я совершаю такого значительного, когда слежу за своей рукой, все еще красивой, несмотря на вены, натянувшиеся, как веревки? Рука моя выводит одну за другой синие закорючки на плотной белой, словно присыпанной мукой, бумаге, а закорючки эти вылезают из такой же белой чернильницы. А не кроется ли в бесполезности этих знаков безнадеж-

ность всей затеи? Во всяком случае, моя собственная никчемность мне очевидна. Из моего окна на последнем этаже дома (который местные крестьяне называют замком, зная — строением, а практичные буржуа — жильем) открывается прелестный шарантский пейзаж. Пологий холм утопает в светлой зелени долины, обрамленные кустарниками поля спускаются к реке. По небу далеко-далеко тянутся розовые, белые, голубые облака. Круглые, ярко алеющие на западе, они весело гарцуют, ничуть при этом не ослабляя той власти, что всегда имело небо над нашими землями. Оно изо дня в день величаво простирается от горизонта до горизонта над лугами, церквями, селениями, и ни один колосок, ни одна травинка от него не укроется. Если нынешняя эпоха значительнее минувшей, значит и небо ближе, и солнце ярче, и ночи чернее, и ветры неукротимее, и уж жара так жара, а снег так снег. Дома здесь круглые, но тяжеловесными не кажутся. Они красиво выстроены, по большей части крашены белым или серым, и от приземистых квадратных домов Боса или высоких построек юга Франции их отличает особая «посадка головы», козырек над крыльцом. Эта земля

и ее жители умеют за себя постоять. Они приветливы без фамильярности, честны без суровости, веселы без разгула.

Так вот, в 1832 году в наших краях появилась, вернее, в наши края вернулась женщина, которой должны гордиться и в Ангулеме, и в Сентонже. Это не была лицемерная парижанка или эксцентричная иностранка. Это была женщина наших корней, нашего воспитания, обычаев и вкусов, настоящая француженка и прежде всего — настоящая представительница нашей провинции. Ее звали Флора, Флора де Маржелас, и она принадлежала к старинной аристократической семье. Как говорили, ее замок простоял в запустении почти сорок лет, пока Маржеласы, уехавшие в числе последних, не поняли, что во Франции больше не будут рубить головы аристократам. Их дочь, родившаяся в 1805 году, за это время успела выйти замуж и овдоветь. Родители, видя ее печаль, решили вывезти ее на родину. Они продали свои английские владения, а потом тоже умерли, как и супруг Флоры. И тогда она приехала. Как раз в то время, когда об их семье полностью позабыли, а о Флоре де Маржелас никто даже слыхом не слыхивал.

Она приехала весной, задержавшись на два года в Париже. За эти два года она освоила родной язык в совершенстве, что только подчеркивал легкий английский акцент. Осваивать Францию она начала с того, что в этой стране было наиболее привлекательным и наиболее опасным: со столицы. Столица оказалась и стимулирующим началом, ибо Флора, овдовев в Лондоне, так и осталась бы вдовой, не уедь она оттуда. Зато в Париже она очень быстро превратилась в молодую женщину на выданье. За два года она отвергла множество предложений. Похоже, ей не хотелось расставаться со своим вдовством, которое, однако, доставляло ей массу неприятностей. Некоторым женщинам на роду написано быть вдовами, точно так же как другим — матерями, старыми девами, женами или любовницами. Флора де Маржелас явно принадлежала к последним двум категориям. Она родилась для того, чтобы разделить жизнь с мужчиной, но мужчина этот должен не только давать ей приют и защищать под своим кровом, но и уметь смеяться вместе с ней. Именно таким был лорд Десмонд Найт, ее первый муж. За пять прожитых вместе лет он дал ей то, что она приняла безоговорочно: го-

рячую взаимную любовь и доверие. В этих условиях тело, сердце и рассудок пребывают в полном согласии. Когда лошадь Десмонда, как в романе, вернулась в конюшню без всадника, Флоре было двадцать четыре года. Когда она приехала в Ангулем, ей было двадцать шесть. В конце лета 1835 года, а точнее, 23 сентября ей исполнилось тридцать, но это уже не имело значения ни для кого, в том числе и для нее. Меня это тоже не волновало. Ведь я нотариус, служитель закона, и моя главная задача — придавать смысл датам, скреплять печатью законность имущества, предоставляя куску фигурно выкованного железа подтверждать права и обязанности каждого. И в конце лета 1835 года я вдруг понял, что в своих регистрах не написал ничего, что переживет меня, моих внуков и внуков моих письмоводителей. Из-под моего пера выходила одна безвкусная ерунда, лишенная всякого интереса и смысла. Клиентам она не давала ни уверенности, ни гарантий законности или незаконности. Не давала ничего, кроме перспективы в один прекрасный день почувствовать во рту ужасный привкус праха, который я ощущаю с утра до ночи. Не хотелось переживать это в одиночку,

пусть уж никого это не минует. Сон... ничтожный, блаженный сон, ничего я так не любил и не желал в то время по ночам, как тебя. Я, может, и женщин никогда так не любил и не желал. Никого, кроме Флоры. Ибо я не знал ни одного мужчины, достойного называться мужчиной, который не пошел бы на все, лишь бы она была счастлива. Ни один мужчина, достойный называться мужчиной, не пошел бы на все, только бы счастье вернулось к ней, пусть и без него.

Итак, в апреле 1832 года, заботясь, чтобы никто не увидел и не встретил ее на улочках Жарнака, Флора де Маржелас прислала мне, как и многим другим, приглашение с печатью, которая кое-что вызвала в моей слабеющей памяти. На гербе Маржеласов красовался стоящий лев, а фоном служило пшеничное поле под изменчивым небом. Прихотливый девиз гласил: «Virtus sive malus»¹. Этот герб явно уже попадался мне, когда я еще учился, и перед моими глазами возникла дорожная карета, мчащаяся на фоне пожарища, а в ней маленькие виконт и виконтесса. И видел я это за пределами замка Маржелас, в пяти лье от места моей учебы. Но мне было уже тридцать, и прекрасный образ времен Французской революции явно навевали учебники истории моего крестника. В приглашении значилось, что леди

¹ «Добродетель или зло» (лат.).

Десмонд Найт, вдова лорда Десмонда Найта, извещает о том, что вновь поселилась в своем имении Маржелас, расположенном в Жарнаке, и будет рада видеть меня, «а также и моих друзей, если они окажут ей такую честь». И присовокупляет, что ее родители, Отон и Бланш де Маржелас, скончавшиеся два года тому назад в Норфолке, тоже, несомненно, были бы мне рады. Родители Флоры приходились друг другу кузенами, они выросли вместе, потом поженились, и их родство не составило тому никаких препятствий. Флора родилась слишком поздно, после десяти неудачных беременностей, которые расшатали здоровье ее матери и свели ее в могилу. Вскоре после нее от горя умер и отец. Эта двойная утрата, постигшая ее сразу после гибели мужа, заставила Флору покинуть Англию и уехать во Францию, которой она не знала, в провинцию, о которой слышала только, что преданные до фанатизма фермеры уберегли от разрушений замок ее отца. Словом, Ангулем, его окрестности и все слои ангулемского общества вдруг узнали, что существует младшая Маржелас, которой принадлежит замок того же имени, что она молода, богата, недавно овдовела и при-

ехала из Англии, чтобы поселиться здесь. Я опускаю все то, что некоторые прибавляли от себя, поскольку эти подробности, как бы красочны, романтичны и невероятны они ни были, суть обычные для провинциалов измышления, лезущие в голову к концу нудной зимы. Что же до меня, то, поскольку мой дед был нотариусом семьи Маржелас, меня просили прибыть в замок на следующей неделе.

Я отправился туда во вторник, 15 апреля. Передо мной лежит та самая записная книжка, где твердым молодым почерком выведено: «Маржелас три часа». Так и написано, без знаков препинания: «Маржелас три часа». Да, судьба никогда не высылает глашатаев, чтобы известить о своих выражах, а может, глашатаи просто не хотят утруждать себя и вовремя мигнуть нам, бедным тупоголовым смертным... И я тогда с радостью оседлал своего рыжего жеребца и поехал в Маржелас. День был прекрасный, в лесу пахло ландышами, а в поле — свежей травой. Большой круглый замок, окруженный кустарником, показался мне очаровательным в ярком свете весеннего дня. На лугу перед замком резвились две лошади: черная и белая. Они были так хороши, что я загляделся на

них и чуть запоздал подойти к стоявшей на крыльце Флоре де Маржелас. Она сама пошла мне навстречу, протянув руку для поцелуя. Я в смущении склонился над этой рукой, уже зная, что ее обладательница молода, хороша собой и добра. Когда же я поднял глаза и посмотрел ей в лицо, то мне показалось, что она мой давний друг. Все в ней было мне знакомо и близко: миндалевидные голубые глаза, свежая кожа, нежный овал лица, приветливая улыбка, изящный изгиб шеи, легкие золотистые волосы, сияние глаз, низкий, весело звучащий голос. И мне сразу же захотелось на ней жениться, чтобы она нарожала мне детишек, а я бы ее лелеял и отдал бы ей всю жизнь. А ведь у меня уже был горький опыт, я уже питал глупую страсть к бессердечной женщине. Но с тех пор прошло уже десять лет. Я не был холодным по натуре, но и особой влюбчивостью тоже не отличался. У меня сердце всегда отставало от тела, а разум — от сердца. Я был настолько ошеломлен, что вместо «Мое почтение, мадам» чуть не сказал Флоре де Маржелас: «Выходите за меня замуж». Тут было отчего ошалеть робкому человеку, да и отважному тоже.

*В*от уже три недели, как я не открывал эту тетрадь. Письмо или воспоминание либо оба вместе суть вещи опасные и во всех случаях болезненные. Заканчивая описание нашей встречи на белом листе бумаги, я заметил, что синие закорючки ускользают и исчезают. Я увидел, как улетають тонкие веленевые листки, а за ними летят листки моей записной книжки, а за ними — и осенние листья, листья времени... И на том крыльце я увидел себя, трепещущего... Я снова ощутил запах травы с луга, сложный аромат духов, идущий от руки Флоры, и услышал, как за спиной звякнула уздечка: это мой конь мотнул головой. Я увидел смеющиеся нежные голубые глаза и нашу молодость, мою и Флоры. В мозгу снова пронеслась безумная идея сказать ей: «Выходите за меня замуж». И такая тоска охватила меня, такое раскаяние, что я этого не сделал, что воспоминание о том дне, с его смешением света, теней и запахов, стало вдруг

невыносимым и мне пришлось прекратить записи. Но я снова пишу, несмотря на то что ненавижу быть несчастным, ненавижу, когда мне сочувствуют, терпеть не могу лелеять ностальгию по прошлым дням и по утраченному счастью. И все равно пишу: это сильнее меня. Пишу вопреки всему, только бы скрипело перо по белеющей бумаге. Пусть мои интимные до омерзения записки никому не нужны, но перо летит все быстрее, и почерк становится все неразборчивее... В мой дом-жилище-замок давно никто не заходит, кроме тихой и близорукой экономки, ее тихого и дальноторокого мужа и их помощников да еще кюре из Нерсака. Он все не может смириться с тем, что я утратил веру, в чем ему однажды и сознался, находясь в непростительном расположении духа. Кроме этих милых, бесцветных и увядших людей, которых в будущем не ждет никаких событий, кроме смерти, никто больше не заходил сюда с тех пор, как Флора в последний раз закрыла за собой дверь. За дверью исчезло ее платье из жатого шелка, ее пышные золотистые волосы. Они горделиво развевались в ярком солнечном свете, как захваченное у неприятеля знамя, в насмешку развернутое над мертвенно-бледным лицом, которое внезапно стало чужим и отныне лишилось возраста и пола.

*И*з всех мужчин Ангулема я первым влюбился во Флору, хотя заслуги моей в том нет: я просто первый ее увидел. Но влюбился не я один. Думаю, что под конец первого бала, данного в замке Маржелас, у меня уже хватало соперников. И дело было не в них: Флора обладала потрясающим очарованием, и в тот вечер все впервые испытали его на себе. Пытаясь сохранить оттенок тайны, который составляет основу кокетства у каждой женщины, она сумела сделать так, что до первого бала никто ее не видел. Она не выходила из Маржеласа, а если и выезжала в английской коляске, то по английскому обычаю правила ею сама, чем вызвала переполох у ангулемских дам. Правила она виртуозно и всегда неслась во весь опор. Мужчины, которые попадались ей на пути за эти десять дней, предпочитали посторониться и побереечь себя, а не присоединиться к этой амазонке. Два рысака, белый и черный, были выписаны прямо

из Англии и, повинуюсь твердой руке хозяйки, мчали ее с такой скоростью, что видны были только развевающаяся грива волос, блестящие радостью глаза и легкая, скорее мальчишеская, нежели женская, фигурка. Наши прекрасные дамы из префектуры, привыкшие путаться в длинных юбках, вылезая из коляски, сочли такое спортивное поведение неприличным. И пошло шушуканье, что Флора де Маржелас вот так же обращалась и со своим бедным мужем: с помощью плетки (хотя никто не видел, чтобы лошадей она хлестала плеткой) — вот и загнала его на смерть бешеным аллюром. Госпожа префектша, в присутствии которой я имел неосторожность заявить, что госпожа Нйт, урожденная Маржелас, не лишена привлекательности, да еще по глупости при этом покраснел, долго точила все свое оружие перед знаменательным балом 30 апреля: а вдруг ее полное превосходство окажется под угрозой? Дамы потихоньку отрядили в замок своих слуг и поваров, чтобы помочь иностранке готовить и сервировать стол. Похоже было, что леди с первого взгляда всех в себя влюбляла, и это расстраивало планы и оставляло неудовлетворенным любопытство. Единственным из мужчин, кто видел ее и разговаривал с ней в те дни, был я, верзила

Николя Ломон, и эта привилегия досталась мне благодаря моим обязанностям нотариуса. И меня буквально засыпали вопросами, точно я все пятнадцать дней провел у ног Флоры. На самом деле я видел ее всего три раза и не более чем по полчаса. Мы обсуждали деловые вопросы, вернее, она заставляла меня говорить о делах, доверяя мне свое имущество и интересы одно за другим с непосредственностью, которая меня вдохновила бы, если бы сразу не возникло тревожное предчувствие, что она меня никогда не полюбит: слишком уж твердо она была во мне уверена. Я не настолько глуп, чтобы не понимать, что нет любви без страха любви, а Флора меня ни капельки не боялась, и в этом она рассудила верно. А я боялся. Боялся полюбить ее, хотя уже любил. Не хочу вдаваться в подробности, как и почему я полюбил Флору де Маржелас сразу и до конца своих дней. В моих записках хватит с лихвой и простого перечисления фактов. Скажу только, что с самого начала мне было заказано ее любить, но я любил, более того, я гордился своей любовью, заранее принимая все, что она мне принесет, в том числе и мучения. Как бы то ни было, но ничто, исходящее от Флоры, не могло меня унижить. Это я увидел и понял с первого взгляда.

Саган Ф.

С 13 Недвижная гроза : роман / Франсуаза Саган ; пер. с фр. О. Егоровой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 224 с. — (Саган. Коллекция).

ISBN 978-5-389-17331-6

Франсуазу Саган называли Мадемуазель Шанель от литературы. Начиная с самого первого романа «Здравствуй, грусть!» (1954), наделавшего немало шума, ее литературная карьера складывалась блестяще, она с удивительной легкостью создавала книгу за книгой, их переводили на различные языки, и они разлетались по свету миллионами экземпляров.

«Недвижная гроза» (1983) — единственный исторический, «костюмный» роман, опубликованный при жизни Франсуазы Саган. Время действия — дивное лето 1832 года, с его балами и пикниками, визитами и чаепитиями. А еще это лето любви. Тридцатилетний провинциальный нотариус Николя Ломон влюбляется в молодую женщину по имени Флора. Недавно овдовевшая Флора поселилась в замке, принадлежащем ее семье. Тихая история любви сменяется драмой, в которой бурлят страсть и ярость. История, рассказанная Николя Ломоном тридцать лет спустя, погружает читателя в атмосферу романов Стендаля или Мопассана.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНСУАЗА САГАН
НЕДВИЖНАЯ ГРОЗА

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Мария Левина

Подписано в печать 26.12.2019.
Формат издания $84 \times 90 \frac{1}{32}$. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 9,8. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-CFS-25851-01-R